

Существует ли конфликт науки и религии?

Комментарий автора

В этой публикации мне хотелось высказать свою точку зрения на проблему взаимоотношений науки и религии. Незадолго до того появилось письмо, подписанное десятью видными членами РАН, указавшими на опасность клерикализма в России. «Письмо десяти» вызвало агрессивную реакцию со стороны защитников церкви. Хотя я на стороне авторов письма, и разделяю их опасения, надо признать, письмо давало повод для такой реакции. Одна из проблем, унаследованных нами от советского периода, — верить, что существует только одна правда — та, в которую веришь ты. Еще хуже — требовать, чтобы ее разделяли другие. И власти, и обществу нужно научиться уважать инакомыслие и инаковерие.

Существует ли конфликт науки и религии?

Опубликовано в «Независимой газете». 25 февраля 2009 г.

В отличие от западного общества, где взаимоотношения науки и церкви давно устоялись, наше общество находится в переходном состоянии. В обществе еще не сложились доминирующие ценности. В этом состоянии оно конфликтно. Одна из конфликтных линий, как показали недавние дискуссии, это — антагонизм, возбуждаемый как со стороны деятелей церкви, так и со стороны ученых.

На самом деле для антагонизма, если он не провоцируется необоснованными амбициями, оснований нет. Хочу высказать несколько соображений в этой связи.

Религия и наука относятся к разным сферам человеческой психики. Наука рождена потребностью человека в знании. Религия рождена потребностью человека в надежде. В основе научного метода — сомнение. В основе религии — вера. Физиологически в строении мозга человека локализованы две полусферы: чувственная и разумная. Для жизнедеятельности человека важны и логика, и вера. Обе опоры необходимы. В социальном устройстве первая воплощена в науке, вторая — в религии. Со стороны науки неэтично подступаться к религии с критикой, основанной на научных аргументах, так же как религии не следует браться за обсуждение законов материального мира.

Жорж Леметр, говорил: «Философия и теология, когда их удерживают в изоляции от научной мысли, превращаются либо в отсталую погруженную в саму

себя систему, либо становятся опасной идеологией». Замечательно сказано. Напомню, что аббат Ж. Леметр — крупный ученый теолог и космолог, президент Папской академии наук в Ватикане. «Не быть в изоляции» в данном случае как раз и означает воспринимать доказанные границы научного понимания мира и отсюда — тонко чувствовать изменяющуюся границу между верой и наукой.

Считается, что коренное различие между научным и религиозным миропониманием состоит в том, что научное утверждение требует доказательств, а религиозное принимается на веру. Нужно заметить, однако, что в основе всех фундаментальных наук лежат принятые на веру утверждения — аксиомы. Всем известны аксиомы евклидовой геометрии. Закон Кулона — тоже аксиоматическое обобщение наблюдений. Если его дополнить одним из законов, охватывающих магнитные явления, приняв его за аксиому, то, основываясь на них, можно логически вывести всю теоретическую электродинамику. Закон сохранения энергии также не из чего не выводим. Мы в него *верим*. Второй закон термодинамики, утверждающий, что развитие любой изолированной системы всегда ведет к деградации и установлению наиболее примитивного равновесного состояния, — это также аксиоматическое утверждение, не выводимое в рамках термодинамики. Главным свойством научных аксиом, в отличие от религиозных верований, является то, что выводы, предсказанные на их основе, отвечают наблюдениям и эти наблюдения воспроизводимы. Но на вопрос, почему имеет место данная аксиома, нам нечего ответить, кроме того, что «так устроен мир». С равным правом можно сказать: «так устроил бог». Существуют явления, несводимые или которые мы не умеем сводить к установленным в науке законам. Например, почему известные нам физические константы имеют именно эти значения, а не иные? Что означает конечность или бесконечность Вселенной? В ответах на эти вопросы у науки нет преимущества перед религией. Наука не может претендовать на истину там, где она не может предложить свойственные ей доказательные и проверяемые утверждения. Она лишь расширяет область знания, все дальше раздвигая горизонт, за которым еще возможны гипотезы и верования. С каждым шагом она завоевывает право в очередной раз сказать: «Я в этой гипотезе больше не нуждаюсь».

Немецкий богослов кардинал Николай Кузанский (1401–1464) задолго до Коперника и Галилея высказал в своем трактате «Апология ученого незнания» представления об относительности движения и нецентральном положении Земли. «Наша Земля в действительности движется, хоть мы этого не замечаем, воспринимая движение только в сопоставлении с чем-то неподвижным... каждому, будь он на Земле, на Солнце или другой звезде, всегда будет казаться, что он как бы в неподвижном центре, а все остальное движется... мир будет как бы иметь всюду центр и нигде окружность. Ибо его окружность и центр есть Бог, который всюду и нигде». Принцип «всюду и нигде» не чужд науке, не чужд современной физике. Это один из основополагающих принципов квантовой физики. Именно таково состояние электрона в атоме. С известной вероятностью он присутствует всюду в атоме и нигде определенно. Он одновременно волна и частица.

Надо признать, что религия никогда не противилась распространению знания, не противилась обучению, не преследовала ученых, несущих знание. Но она, увы, преследовала творцов нового знания, а наука — это не просто знание, это —

производство знания. Чтобы произвести новое знание, нужно усомниться в существующем. И тут наука и религия расходятся, как расходятся сомнение и вера.

Религия сродни искусству. Высокое искусство взросло на религиозной почве. Ранние шедевры живописи и архитектуры вдохновлялись религией и возникали под покровительством церкви. В отличие от науки, религия и искусство относятся к одной и той же чувственной сфере.

Наука так же совместима с религией, как и с искусством. Глядя на сцену в театре, мы переживаем чувства героев, мы можем плакать и сострадать, хотя мы понимаем, что это всего лишь вымысел. Но, если человек, пришедший в театр, будет твердить про себя, что то, что он видит, лишь выдумка и неправда, ему нечего делать в театре и ему нечего делать в церкви.

В демократическом обществе наука и религия должны сосуществовать как сосуществуют в человеке чувственность и логика. В реальной жизни такое сосуществование не бывает гладким. Институты науки и образования, с одной стороны, и церковь — с другой, погружены в конкретную социально-общественную среду. Власть эксплуатирует в своих интересах и церковь, и науку, отдавая предпочтение той или другой в зависимости от текущих целей государства и его политического устройства. История доказывает, что перекосы эти никогда не бывают продуктивны. Воинствующая церковь так же опасна для общества, как циничное безбожие.

В этой связи нельзя не сказать о развернувшейся у нас дискуссии по поводу возможного введения в школе уроков богословия. Речь идет, конечно, об уроках богословия, в какой бы форме это ни преподносилось, например «основы православной культуры» или как-то иначе.

Школа должна давать знание. Знание добывается наукой, а не верой. Поэтому преподаваться должно только научное знание.

Один из религиозно настроенных телеведущих задал с дискуссионным запалом вопрос: «Почему школа не уважает моего сына?», — имея в виду, что сыну в школе преподают биологию в рамках эволюционного учения, а не религиозного толкования. Школа выполняет *свою* общественную функцию. Уважать в данном случае нужно школу. В школу и университет люди приходят за знанием. В церковь — укрепить надежды. Другое дело, что научные положения, даже те, которые преподаются в школе, могут оказаться неточными или ошибочными. Но альтернативой ошибочному научному положению может быть только другое более обоснованное научное положение, а не религиозное суждение.

Преподавание религии — это преподавание идеологии. Преподавание религиозного миропонимания как альтернативы научному знанию как раз есть та *опасная идеология*, о которой говорил Ж. Леметр.

Преподавание истории религии и сведения об институтах церкви как форме общественного сознания, а в некоторые периоды — движущей силе исторических событий, должно находить место в курсах истории. Соответствующие главы должны быть написаны и преподаваться историками, а не теологами. Тогда это будет раздел знания, а не религиозная идеология. В такой же степени в историческом экскурсе может присутствовать объективное повествование о коммунистическом мировоззрении или иных общественных верованиях.

Религиозная идеология к тому же не единообразна. Разные конфессии — это разные идеологии. В дореволюционной России православие было государственной религией. Государь призван был равно заботиться о всех своих подданных, но государственную службу могли нести лишь православные. Граждане указывали не национальность, а вероисповедание. Иноходец неправославного вероисповедания был лишен некоторых прав и освобожден от определенных обязанностей, в частности от воинской повинности. Но он приобретал всю сумму гражданских прав и обязанностей независимо от национальности, если принимал православие. В православном государстве законны и уместны были священники в армии, преподавание Закона Божьего в школе, публичное появление государственных чиновников при отправлении церковных обрядов и пр. Вернуться к православному государству, так же как и к монархии, в сегодняшней России невозможно. Поэтому акции, вполне естественные в православном государстве, неуместны в России, как она есть сегодня. Пренебречь этим — значит нанести ущерб российской государственности и единству российского общества.

Для того, чтобы избежать антагонизма науки и религии, нужно прежде всего понять и принять, что нет религиозного и научного типа мышления. Есть научное мышление и религиозные чувства.

Человеческая психика, как и все созданное эволюцией, несовершенна. Страх и вера имманентно присущи ей. Суеверие — одна из форм их проявления. В Бога тоже многие «верят» на всякий случай. Это свойство психики непобедимо. Оно присуще в той или иной степени всем. Некоторым умам, возможно, — в исчезающе малой степени, некоторым — в значительной. Иногда — по невежеству, иногда — вследствие глубоких размышлений. Во многих случаях религиозность есть выражение согласия с этическими и нравственными нормами вероучения, признания исторической роли религии в формировании цивилизации.

По этой причине религиозность и существование церкви как института религии есть признак демократического общественного устройства, уважающего индивидуальность и признающего, отсюда, свободу и права личности. Отклонение в сторону государственного атеизма, равно как и в сторону государственного клерикализма, недемократично.

Свобода слова допускает любые суждения о личности, об устройстве общества и миропонимании, если они не оскорбляют ничье достоинство и не являются клеветническими и заведомо ложными. Поэтому воинственно настроенный атеист может вести антирелигиозную пропаганду, а воинствующий клерикал высказывать антинаучные суждения. Задача же демократического государства и просвещенного общества, терпимо относясь к крайностям, удерживать справедливый баланс между разумом и чувствами.